

фантастическая
история

Книги Александра Башибузука
в серии «Фантастическая История»

СТРАНА АРМАНЬЯК. БАСТАРД
СТРАНА АРМАНЬЯК. РУТЬЕР
СТРАНА АРМАНЬЯК. ДРАКОН ЗОЛОТОГО РУНА
СТРАНА АРМАНЬЯК. ФАВОРИТ
СТРАНА АРМАНЬЯК. ГРАФ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ
СТРАНА АРМАНЬЯК. ВЕЛИКИЙ ПОСЛАННИК
СТРАНА АРМАНЬЯК. КНЯЗЬ ДВИНСКИЙ

МОСКВА, 2021

фантастическая
история

Александр Башибузук

Страна Арманъяк.

Князь Двинский

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б33

Серия основана в 2010 году
Выпуск 146

Башибузук А.

Б33 Страна Арманьяк. Князь Двинский: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021. — 281 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-3198-4

Александр Лемешев, тренер по фехтованию, волей судьбы заброшенный в тело внебрачного сына графа Жана V д'Арманьяка, одного из последних феодальных властителей божьей милостью, возвращается в заснеженную Московию к своей жене Александре, дочери великого князя Ивана III.

Впереди жестокое противостояние с Ганзой, поход в Казанское ханство и осада самой Казани. Очень скоро в Европе поймут, что на политической арене появился еще один могущественный игрок — та самая загадочная Тартария, о которой раньше было известно только по путаным слухам и небылицам.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Александр Башибузук, 2021
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021

ISBN 978-5-9922-3198-4

ПРОЛОГ

Из низко стелющегося над темной, почти черной водой плотного тумана беззвучно вынырнул большой парусный трехмачтовый корабль. Любой корабель пятнадцатого века вполне уверенно отнес бы его к классу боевых коггов, однако достаточно большие несоответствия в парусном вооружении и силуэте судна, а также странные ряды квадратных окошек по бортам непременно вызвали бы сильную озадаченность.

Следом за ним появились другие суда, размером поменьше, идущие след в след, словно цыплята за квочкой.

И сразу же, словно кто-то щелкнул переключателем, включился шумовой фон. Захлопали паруса, заскрипел такелаж, раздался плеск воды, где-то в клубах тумана надтреснутым старческим голосом закричала чайка.

— Пятнадцать футов... — пронзительно, по-фламандски (если точнее, на фризском его диалекте) выкрикнул на носу головного судна матрос, быстро наматывая на локоть лить с грузом.

— Не сомлевайся, княже. — Кряжистый, словно столетний дуб, седобородый мужчина в длинном плаще из тюленьих шкур почтительно обратился на русском языке к стоявшему рядом с ним на мостике флагмана одетому точно так же мужчине. — Тутой отродясь мелины не водилось, а к полдню мряку солнышко разгонит, так дело шибчей пойдет. Глядишь, к вечеру уже дома будем.

— Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, Пров Петрович, — недовольно ответил ему названный князем мужчи-

на. — Я не сомневаюсь, просто муторно мне, свербит что-то на душе...

Он был не так высок и стройнее, но, несмотря на то что обращался к своему собеседнику по имени-отчеству, повелительные нотки в его голосе безошибочно указывали, что стоит он несоизмеримо выше на иерархической лестнице. Отвечал тоже на русском языке, чистом, без акцента, хотя худое и смуглое властное лицо с резковатыми чертами и бородкой клинышком больше соответствовало французскому дворянину или испанскому дону.

— Ну дык, княже, как скажешь... — Здравяк не нашелся, что ответить, и замолчал.

— А если я неладное чувствую, — уверенно продолжил князь, — то будь уверен, Петрович, это неладное обязательно случится... — После чего, повысив голос, бросил уже на фламандском наречии: — Капитан Веренвен...

— Да, ваше сиятельство! — не отрывая рук от штурвала, отозвался высокий здоровяк.

— Команде товсь по боевому расписанию, — уверенно, но не повышая голоса, командовал князь. — Канонирам раздуть фитили и обновить затравки. Командирам боевых частей по готовности ко мне с докладом. Передать команду на остальные суда. Выполнять...

— Всем по местам стоять! — басом заревел капитан.

— Стоять, стоять... — эхом разнеслось по всему кораблю.

Знатоку эпохи все эти команды показались бы чересчур современными, однако быстрота их выполнения свидетельствовала о том, что команда все вполне понимает.

На корабле мгновенно возникла организованная суматоха. Матросы сноровисто поднимали щиты по бортам, вооруженные люди, топоча латными башмаками, выстраивались на палубе, с треском открывались пушечные порты.

Князь кивнул сам себе и бросил русскому:

— А ты чего стоишь, Петрович? Живо к своим. И чтобы брони вздели.

— Это я мигом!

Неожиданно сквозь стоявшую над водой плотную морось пробился неуверенный лучик солнца. И почти сразу же, как будто по мановению волшебной палочки, туман стал быстро расползаться и таять.

А еще через пару минут с верхушки мачты раздался истошный вопль:

— Вижу, вижу, по левому борту — эскадра кораблей!!! Поднимают паруса... пять, десять... Матерь Божия, пятнадцать вымпелов!

ГЛАВА 1

— Итак... — Я раздвинул подзорную трубу и поднес ее к глазам. — Что тут у нас?

И сразу же привычно выматерился. Зараза, ну никак не получается приличную оптику соорудить. Мутно, изображение искажается, увеличение всего ничего, а у меня ведь лучший образец от моих же мастеров из Гуттена. Уже точат линзы из горного хрусталя, редкого и дорогущего, между прочим, — один хрен, та же самая история. Да и бог с ним, видно да и видно.

Так, дистанция где-то пара кабельтовых, паруса уже подняли, перестраиваются в боевой порядок. Видимо, специально болтались здесь, чтобы встретить нас. Неожиданно не получилось, прошляпили, туман помешал.

Кто такие? Кто-кто, ганзейские, мать их так перетак... Сначала сами объявили полную торговую блокаду Руси, потом штрафами перекрыли кислород всем европейским купцам, а когда государь Иван Третий не поддался, решили зайти с козырей, перерезать наш единственный торговый путь. Ну что же, в их положении совершенно правильное решение, и я его еще давно предвидел, правда, оказался не совсем готов. Ну нет у нас еще столько военных кораблей, чтобы обеспечить полную безопасность северным торговым караванам. Строятся только, команды набираются, опять же Средиземноморье тоже очень важный регион, и там солидный флот нужно держать, так сказать, для обеспечения доминирующего положения. Ну да ладно, будем выходить из положения наличными силами.

С пятнадцатью вымпелами наблюдатель, конечно, погорячился, на полноценные боевые единицы претендуют только шесть... нет, семь. Стандартные ганзейские военные когги, неуклюжие двухмачтовые коробки с высоченными надстройками на носу и корме. Пушечное вооружение отсутствует, либо есть в мизерном количестве, а вот по паре требушетов и аркбаллист точно найдется. Ну и ручное оружие команды, стрелы и болты с горящей промасленной паклей — сейчас вполне действительно работают по деревянным кораблям. И будут работать еще долго.

Остальные посудины — обычные грузопассажирские суда, мобилизованные для военных нужд; скорее всего, с десантом. Не исключаю, что для высадки в Холмогорах; так сказать, для окончательного приведения Ивана к повиновению.

План у вражин простой: загнать тяжелогруженные торговые суда на мелководье, после чего брать на бордаж, либо жечь к чертовой матери. Если не получится, будут расчленять караван в море, а потом то же самое, что в первом варианте.

А что у нас? Я иду на своем флагмане, поименованном «Александра» в честь любимой женушки. Наш совместный проект с Фебом, сами чертили, едва не передрались в процессе, а сколько мастерам нервов вымотали, прямо ужас. Да еще несколько раз перестраивали в процессе испытаний. В том числе почти заново. Зараза, полного залпа ну никак не хотел держать, набор расшивался вдрызг, а корабль все затонуть норовил. Впрочем, с божьей помощью довели до ума, так сказать, положили начало новому классу кораблей.

Получилось у нас что-то среднее между каравеллой и галеоном, ближе к последнему. Длиной сорок пять метров, шириной четырнадцать, водоизмещение — четыреста тонн с копейками. Двухпалубное, три составные мачты, паруса прямые, на бизани — косой. На длинном бушприте тоже парус — блинд.

На артиллерийской палубе — двадцать двадцатичетырехфунтовых пушек, то есть калибром примерно сто пятьдесят миллиметров, еще по две на носу и корме, а сверху по каждому борту десять трехфунтовых фальконетов на вертлюгах.

Строили его больше года и закончили только после моего прибытия из России. Денег и ресурсов вбухали — не счесть, но получилась вполне приличная посудина, быстрая, маневренная и остойчивая.

В общем, совершеннейшая вундервафля по нынешним временам. Еще бы один такой — и разогнал бы всю ганзейскую шоблу как надоедливых тараканов. Но вот второго такого у меня нет. Этот пока первый и единственный. Остальные в Биаррице на верфях пока строятся.

Есть еще два кораблика, мурманских, из тех, что год назад со мной ходили на Русь, эти вполне подходят под определение «боевые» — с пушечным вооружением и специально обученной командой, но их только два. То есть нас всего трое против ганзейской армады. Вернее, двое, потому что один из них останется на всякий случай при торговцах.

Остальные — это десять неуклюжих, вдобавок загруженных до предела, грузовых каракк, почти ничем не отличающихся от ганзейских коггов. Разве что усиленным набором для плавания в северных широтах, слегка усовершенствованными парусами и парой жалких фальконетов на каждом.

Каков выход? Опять же вполне очевидный. Будем отсекать татей от торговцев, пойдем навстречу и завяжем бой, а наши в это время попробуют проскользнуть на полных парусах в устье Двины, благо до него осталось совсем немного. Невеликий у меня опыт флотождения, но кое чему за годы корсарства научился. Плюс талант, ептыть!

В общем, особых проблем не предвижу, на моей стороне гигантское преимущество в скорости, маневренности и огневой мощи. Просто вражин слишком много, кое-кто из них может проскочить в караван и наделать делов, пока я

буду разбираться с остальными. Но будем надеяться на лучшее.

Млять, опять геройствовать... Вот честно, достало. Ну почему так складывается? Живу, никого не трогаю...

Н-да... вот это я сейчас соврал, конечно. Трогаю, да еще и как. Вопрос выживания. В противном случае сожрут самого и не поморщатся. Страшно, не без этого, понимаю, что в постели от старости не помру, но как-то уже свыкся. Жизнь такая, но, надо сказать, весьма интересная.

— Держи... — Я сунул трубу Ванятке, принял от него заряженные пистолы, сунул за кушак и обернулся к собравшимся на мостике корабельным офицерам, как я их шутиливо называю по современному подобию, — командирам боевых частей.

— Ну, не слышу доклада? Стоп, Ян... сначала ты... Передай каравану следовать своим курсом. «Святому Петру» — делать как я: кильватер в кильватер, дистанция — пятьдесят туазов. «Святой Иоанн» остается со всеми. Сам немедленно выходишь из строя и на всех парусах берешь мористей, пересекая курс ганзейским, но так, чтобы держать их по левому борту. Дальше по ситуации. Выполнять...

Веренвен кивнул и, ревя команды, как медведь, сбежал с мостика. Через несколько мгновений с грот-мачты зазвонили сигналы. Мое изобретение, ибо ничего подобного еще не существует. Нет, сигналы в ходу, в том числе световые, но совершенно примитивные.

Получилась эдакая сильно ухудшенная копия фонаря Ратьера: источник света и система бронзовых зеркал. Слабенько, но видно достаточно далеко, особенно в сумерках. Работает морзянкой. Сигнальщики признаны секретносителями высшей категории, сидят на двойном жалованье и под страхом четвертования в случае сдачи сей тайны. В том числе и членов семей. А в случае явной опасности попадания в плен их прирежут свои же, без малейшего колебания. Ибо нехрен.

— Теперь вы... — Я обвел взглядом присутствующих.

Суровые, битые жизнью мужики в ответ преданно усталились на меня. И правильно, а как еще смотреть на кормильца и благодетеля? Без стеснения именую себя таким, ибо к судьбе упомянутых товарищей непосредственно приложил руку.

Итак, по списку, начнем с низов.

Капитан флагмана, он же обер-сержант-адмирал Яков Веренвен, старый соратник, из моих личных холопов, если выразиться согласно русской реальности. Давно на свободе, выслужил ее верной службой. Старый пират, голос — как из трубы, рожа злодейская, капитан каких еще поискать надо. Лучшую кандидатуру на пост капитана «Александры» я не нашел.

Андре Мунк, корабельный обер-канонир, скромный и неказистый, еще молодой фламандец, один из лучших учеников самого мастера Пелегрини. Если не превзошел своего учителя, то сравнялся с ним точно. И что мне особенно нравится, подходит к делу исключительно с точки зрения военной науки, педантично и скрупулезно. Пишет трактат по артиллерийскому делу.

Маттеус Келлер по прозвищу Суконщик — добродушный гигант из Бремена, бывший ремесленник, изгнанный из цеха по совокупности прегрешений, коих набралось уж очень много. Ныне обер-сержант абордажной команды. Раньше в путешествиях головорезами командовал братец Тук, но сейчас его нет, остался дома, разгребать мои дела. Но и Маттеус справляется не хуже.

Все они из простолудинов, за свое нынешнее положение глотки грызть будут.

Стоп... опять я разошелся, хватит лирики, пора делом заниматься.

— Мунк, работаешь строго по команде, полубатарейями, залпами, исключительно чугунными болванками. Фальконеты пока молчат. Свободен.

Фламандец сдержанно поклонился и убрался с мостика.

— Келлер, твое дело известное. Стрелки работают, остальные пусть приготовятся тушить пожары, ежели такие случатся. Коли дойдет до абордажа, сам знаешь, что делать. Свободен... — Я кинул взгляд на четверку русских купцов, скромно жавшихся у борта, и остановил дойча: — Стой, русы в твоём распоряжении. Слышал, Пров Петрович?

— Как скажешь, князь. — Купцы степенно поклонились и потянулись за немцем.

Ежели посажу в трюм для пущего сбережения — обидятся. А так при деле будут и пользу принесут, если дойдет до рукопашной сшибки. Принесут несомненно, мужики они тертые, без напоминаний доспех и оружие с собой взяли, когда я их забрал с собой для ознакомления с европейскими торговыми реалиями. Офисных сидельцев среди торговцев сейчас почти не наблюдается. Разве что в преклонных годах, когда кочевая жизнь уже не по силам.

Есть еще со мной русские, три десятка парней, проходят морскую стажировку, но они на грузовых судах.

Кто остался? Конечно Штирлиц, капитан моей личной дружины.

— Отто, вы со своими дружинниками по необходимости окажете помощь абордажной партии. А пока — в моем личном резерве.

Шваб молча поклонился. Удивительно немногословный мужик и служака до мозга костей.

Так... вроде все. Теперь обратиться к личному составу. Перед каждым боем так делаю, еще с рутьерских времен повелось.

Ванятка подал бронзовый рупор. Я стал, чтобы всем было видно.

Личный состав замер, не сводя с меня глаз. Бравые парни. Ничего не скажешь. Исправно экипированы, морды сытые и довольные.

Я выждал пару секунд и рявкнул в трубу:

— Ну что, желудки, небось в шоссы успели нагадить?

Дружный рев и улюлюканье засвидетельствовали приятную шутку.

— Ничего, вам не привыкать. Сейчас мы быстренько надерем белые пухлые зады ганзейской сволочи, а вечером дружно нажремся.

Всем своим видом демонстрировал абсолютную уверенность в исходе сражения. Ну а как иначе — народ верит в отца-командира, нельзя показывать свои сомнения.

— Знаете, какая разница между ганзейским купчиной и боровом? — как бы невзначай поинтересовался я, сделал паузу, а потом проникновенно сообщил: — А никакой.

Бойцы оглушительно заржали и заколотили рукоятками абордажных тесаков о щиты.

— И еще, — продолжил я, — так уж и быть, половину своей доли в добыче отдаю в общий котел! Слышали, желудки? — А потом, подождав, когда всеобщее ликование стихнет, строго и истово добавил: — Да хранит нас Святая Дева Мария!

Ну вот, обязательный момент соблюден. Надо успеть еще со своим ближним кругом пообщаться. Я дал сигнал судовому капеллану читать молитву, а сам посмотрел на уже развернувшиеся в линию ганзейские когти. Идут на полных парусах, стервецы, но пересечемся мы минут через двадцать, не раньше, а значит, время еще есть.

Свиты с недавних пор у меня стало гораздо больше. Помимо Ванятки появилось два новых пажа — Антуан де Лорен и Томас де Гаркур — младшие отпрыски именитых дворянских семейств из Арманьяка.

Крепкие приземистые бутузы двенадцати и тринадцати лет соответственно стоят рядом, ловят ухом каждое слово, глаза горят как угольки. Еще бы — грядет настоящая битва. А вдруг сюзерен разрешит хоть чуть-чуть поучаствовать...

И оруженосцев тоже прибыло: Александр де Лонак и Шарль де Пардейян — тоже дворянские сыны из моей родовой вотчины. Восемнадцать лет каждому, по нынешним временам — взрослые детины. Невысокие кривоногие парни с буйной смоляной шевелюрой и зачетными горба-

тыми носищами. Смелые и пылкие, как все гасконцы, порой чрезмерно, но с головой вроде как дружат. Тоже рубиться им не терпится, даже конечностями аки кони перебирают.

Взяв парней к себе на службу, я оказал их семьям великую честь, чем в ответ заслужил прочную признательность, но по сути парнишки оказались у меня в заложниках. Теперь их родные сто раз подумают, перед тем как мутить против своего сюзерена в его отсутствие. А семьи-то из самых родовитых в Арманьяке, основа гасконского дворянства. Вот такой средневековый политес получается, причем очень рациональный.

— Шлем и щит...

Александр и Шарль по очереди вручили искомое. Луиджи у них старший, и часть его функций перешла к новичкам.

— Теперь вы... — Я строго обратился к пажам. — Сидим на мостике, старательно прикрываемся павезами и в случае необходимости палим из арбалетов. Понятно?

Иван, Антуан и Томас с разочарованием на мордашках дружно исполнили поклон. Но смолчали, знают, стервеццы, что со мной спорить бесполезно, а временами даже больно. Только попробуют послушаться — вздую так, что неделю сесть не смогут.

— Вы... — Я снова обратил взгляд на эскудеро. — Прикрываете меня в бою. Так как я показывал. Вперед не рвемся, в первую очередь думаем головой, а потом машем мечом. Понятно?

— Да, сир.

— То-то же. Ну, с Богом! Разбавим водичку кровушкой!

ГЛАВА 2

Ближайших четыре ганзейских когга слегка подкорректировали курс и пошли нам навстречу, а шестеро продолжили идти по направлению к каравану. Десантные лохан-

ки болтались далеко позади, явно не успевая за своими боевыми товарищами.

Все правильно, планируют связать меня боем, а остальные за это время растерзают тяжелогруженные каракки. Так... надо понимать, в середине строя трехмачтовик у них за флагмана будет? Ну что же, обратим особое внимание.

— Правее на румб бери, круче к ветру! — скомандовал я.

Веренвен продублировал команду рулевым, те тут же налегли всем телом на штурвал. Ну да, никаких усилителей нет, все на прямой тяге, так что приходится на вахту назначать сразу двух дюжих матросов, потому что одному работать довольно тяжело. Нововведение в морском деле, даже на больших кораблях сейчас вместо штурвалов — румпели, длинные толстые дыны, которые тягают целые команды. Мы с Фебом долго думали, нужен ли вообще такой девайс, но потом решили попробовать и не пожалели: управляемость улучшилась сразу. Правда, мороки в наладке и обслуживании достаточно много.

Пронзительно засвистел ветер в такелаже, «Александра» слегка завалилась на правый борт и, зарываясь крутым носом в темно-зеленую воду, понеслась навстречу коггам. «Святой Петр», следуя за нами в кильватере, как привязанный повторил маневр.

Ну да, вот так хорошо, перед точкой встречи довернем еще немного и выйдем на супостата почти параллельным курсом.

Вражеские суда стремительно приближались, уже было видно арбалетчиков, кучковавшихся за поднятыми бортовыми щитами, и суетившуюся службу требушетов, установленных на носовых и кормовых площадках.

Ганзейцы, понимая, что могут проскочить мимо, тоже скорректировали курс и невольно подставили нам свои борта.

— Еще правее!!! — надсаживаясь заорал я, дождался, пока галеон довернет, а потом рывкнул в трубу: — Огонь, мать вашу за ногу!

Первые пять пушек в батарее левого борта почти синхронно выплюнули длинные огни пламени, «Александра» дрогнула корпусом, а все вокруг заволокло плотным дымом. Но только на мгновение, потому что белесое облако тут же снесло ветром.

Ганзейский когг на полном ходу зарылся бушпритом в воду и стал разворачиваться на месте с сильным дифферентом на нос.

— А-а-а, Святая Дева Мария!!! — радостно заорали пажы, подпрыгивая, словно молоденькие козлики на мостке.

— У-у-у, рви, кромсай!!! Смерть и преисподняя!!! — поддержали их на палубе.

Я орать не стал, не приличествует бесноваться сюзерену божьей милостью. Хотя да, все ладно получилось. Вряд ли мы попали полным залпом, но и этого хватило. Конические чугунные болванки с обтюрирующими свинцовыми поясками даже с такой дистанции шьют дерево как раскаленная игла воск. Все-таки техническое преимущество — великое дело. Даже стыдно немного. Шучу, конечно.

«Святой Петр», пролетая мимо подбитого когга, добавил из своих орудий. С бортов и мачт немца сразу же посыпались в воду люди.

Славно, но это только начало.

Я дождался, пока мы поравняемся со вторым ганзейцем, вздумавшим разворачиваться и оттого потерявшим ветер, после чего дал залп из второй полубатареи.

В этот раз били почти в упор и не промазали, вражеская посуда почти сразу опрокинулась и стала стремительно тонуть.

Третий когг разошелся с нами борт в борт, канониры главной орудийной палубы не успели перезарядиться, поэтому пришлось пустить в ход фальконеты.

Толком рассмотреть, чем все закончилось, я не успел, Александр и Шарль закрыли меня своими щитами, потому что ганзейцы тоже успели дать залп из арбалетов и аркбаллист.

Впрочем, без особого урона, если не считать проломившей бортовой щит здоровенной стрелы. А сам их когг отчего-то чадно задымился и стал спешно выходить из боя.

Но не успел, потому что попал под залп идущего следом за нами «Святого Петра» под командованием мурмана Сигурда Рыжего и полыхнул уже в полную силу. Ну не знаю, зажигательными мы не били, хотя в наше время на любом корабле полно всего, что может полыхнуть от малейшей искры. И у нас тоже.

Мимо остальных вражеских кораблей «Александра» проскочила. Отвлекаться на них я не стал и взял курс на когги, на всех парусах спешившие к нашим грузовым судам.

Им навстречу из каравана вышел «Святой Иоанн», но мы успели раньше и расстреляли супостатов, как в тире. Потопить никого не потопили, но повредили знатно и хода лишили.

Оставив «Иоанна» окончательно разбираться с подбитыми, я в очередной раз скорректировал курс и понесся за флагманом, спешно удирающим со своими десантными судами в открытое море. Как назло, подкачал ветер, пришлось идти галсами, и догнали мы ганзейца, уже когда берег почти скрылся из глаз.

«Бремен», так назывался флагманский когг, уже понял, что уйти не получится, и, закручивая большую дугу, лег на боевой курс. С его стрелковых площадок стали пристреливаться требушеты. Но без толку — каменные ядра подняли фонтаны воды с большим недолетом.

— Топить будем? — деловито поинтересовался Веренвен.

— Нет, — отрезал я. — Передай Рагнару, пусть займется десантными лоханками. По возможности — не топит, а принудит сдаться. Хотя бы одну. Но без особых церемоний.

Закончив с капитаном, обернулся к обер-канониру.

— Мунк...

— Сир? — фламандец изобразил почтительное внимание.

— Лиши его хода и разбей требушеты, а потом, когда подойдем поближе, тщательно причеши картечью палубы.

— Как прикажете, ваше сиятельство... — Главный артиллерист отклонялся и убежал к своим.

— Андре, готовьте абордажные мостики!

— Сир! — Келлер просиял и тоже понесся исполнять приказ.

Через несколько минут «Александра» окончательно догнала когг, уравнила ход и легла в паре сотен метров от него на параллельный курс.

Из двух крайних к капитанскому мостику орудийных портов выплеснулись языки пламени. Один снаряд с треском вцепился во вражескую стрелковую носовую надстройку, эффектно разбросав обломки по сторонам, а второй, срикошетировав от воды, аккуратно тюкнул ганзейца под корму в районе руля.

Но в тот же самый момент, всего в нескольких метрах от «Александры», подняв гигантский фонтан, в воду врубилась здоровенная каменная глыба, а вторая с ревом пролетела прямо над мостиком, каким-то чудом никого не зацепив.

— Тысяча чертей!!! — от испуга рявкнул я, с трудом удержавшись, чтобы не присесть. — Мунк, мать твою за ногу, что за хрень?! Заткните им пасти!

Обер-канонир не заставил себя ждать.

Залпом бабахнули фальконеты, по палубе ганзейца словно провели гигантскими граблями. В воду полетели обломки надстроек и куски разорванных тел.

— То-то же... — Я смягчил гнев на милость, но тут же вызверился на Веренвена: — Чего сиськи мнешь, подводи судно!

«Александра» стала быстро сближаться с потерявшим ход коггом. Ганзеец принялся отгавкиваться из стрелкового оружия, но без особого эффекта: все мои предусмотрительно прятались за бортовыми щитами. А после того как

фальконеты выпалили второй раз, ответный огонь прекратился совсем.

Абордажная команда выстроилась рядами на палубе. Я так и остался у себя на мостике. Что? И без меня справятся. Много чести будет ганзейцам, если их самолично граф божьей милостью, да еще и цельный князь, на копье брать будет.

— Сир... — разочарованно протянули оруженосцы, наконец сообразив, что я не собираюсь лезть в схватку. — Молим, дозвольте...

Я слегка поколебался и кивнул. Зачем лишать парней повода рассказывать девицам, как они браво когг штурмовали... Хотя дело уже практически решенное, особого сопротивления не предвидится. Если оно вообще будет.

Александр с Шарлем тут же радостно ссыпались по трапу и влились в колонну штурмовой партии. Луиджи остался со мной. Еще раз подтвердив, что он парень умный и на дурусти не разменивается.

Пажи азартно садили по коггу из арбалетов, не особо озабочиваясь тем, что на его палубе вряд ли остались живые.

Я хотел приструнить, но потом передумал — пусть душу отводят. Дети есть дети, что с них возьмешь.

В воздух взмыли кошки, несколько моряков накинули канаты на специальные ворота и стали подтягивать когг.

Упали мостики, и, грохоча башмаками, с лихим гиканьем на вражеское судно понеслись колонны абордажной партии.

Вспыхнувшее было сопротивление мгновенно подавили, а еще через несколько минут «Бремен» сменил владельца.

— Ваше сиятельство... — Отто фон Штирлиц взбежал ко мне на мостик, неуклюже поклонился и, торжественно подвывая, заявил: — Виктория, сир!

— Потери?

— Восемь ранено — двое серьезно, один насмерть — словил арбалетный болт прямо в рот... — доложил шваб с каменным лицом.

— У меня четверо раненых, — в свою очередь, отозвался Веренвен. — Трое матросов, один из абордажной команды. Лекарь говорит — будут жить, хотя Берту придется отнять руку.

Я невольно нахмурился. Почему-то с годами стал принимать потери близко к сердцу, хотя должно быть совсем наоборот.

— А это кто?

— Сир... — Оруженосцы притащили и поставили передо мной на колени тучного седобородого крепыша в окровавленном дублете и с залитым кровью лицом. — Вроде как капитан. — Шарль хищно ощерился и легонько пнул пленного. — Пробовал сопротивляться.

— Капитан Ульрик Зеедорф... — прохрипел ганзеец на немецком языке. — Я ваш пленник, ваше сиятельство.

— Знаешь, кто я?

Потупив глаза, дойч кивнул.

Вот даже как... Хорошо разведка у барыг работает. Ну да ладно, позже разберусь.

— К лекарю его, потом под стражу, — скомандовал я. — И проверьте остальных пленников, среди них должен быть еще кто-нибудь из чинов Ганзы. Что с коггом?

— Потерял управление, грот-мачта надломлена, такелаж в клочья, — быстро отрапортовал Яков. — Но на плаву держится. Тащить за собой будем?

— Будем. И поживее.

Но дело сладилось не так быстро. Пока поправили у себя порванный такелаж, пока заделали течи на «Бремене», пока завели буксировочные канаты — к своим мы отправились только через пару часов.

Я все это время торчал на мостике, умеренно угощаясь родовым напитком и неспешно размышляя о создавшейся ситуации. Пока все складывается просто превосходно. И дело даже не в практически бескровной победе и немалых тро-

феях, а в самом прецеденте. Грызня Ганзы с Русью — это одно, но дойчи умудрились напасть на Наварру, что автоматически приводит их в состояние войны с нами. Теперь мы имеем полное право на ответные шаги. То есть брать на приз все суда под их флагом, конфисковать товары, недвижимость и так далее и тому подобное. Да, Ганза все еще в силе, но по факту тягаться с Наваррой и ее союзниками им уже не по плечу. И это торговцы должны понимать, не дураки. Хотя видно будет. Иногда даже у умных людей мозги отказывают.

Как только «Александра» набрала ход, я спустился в трюм пообщаться с капитаном и еще одним подозрительным гражданским ганзейцем, назвавшимся простым приказчиком.

Веренвен любезно уступил свою каютку, я уселся в личное кресло, оперативно доставленное туда пажами, и приказал привести первым гражданского.

Через пару минут латники притащили худого нескладного мужика средних лет. Слишком хорошо одетого для купца средней руки. Абордажники обошлись с ним довольно милостиво, на худом лошадином лице почти не просматривалось побоев, кроме разбитой брови и расквашенной нижней губы.

— А это было при нем, сир... — Келлер сгрузил на столик кучку вещей, а потом положил сверху кинжал и меч. Опять же слишком дорогие для простого человека, пусть даже средней состоятельности.

— Кто вы такой? — Я взял со стола толстую золотую цепь с массивным медальоном, на котором был выгравирован какой-то герб.

Ганзеец связанными руками одернул на себе шитый серебром бархатный дублет и речитативом доложил на немецком языке:

— Алоизий Будль, ваше...

— Ваше сиятельство, — сухо подсказал Келлер.

— О-о-о!!! — Алоизий согнулся в подобострастном поклоне. — Прошу простить меня, ваше сиятельство, для меня это большая честь.

— Кто вы такой?

— Простой приказчик, ваше сиятельство, при состоятельном купце Людвиге Оберхоффере. Хозяина разорвало ядром в самом начале боя, а я, видит Господь, абсолютно мирный человек...

Краем уха слушая пленного, я повертел в руках массивный перстень, отложил его в сторону и раскрыл большую записную книжку в замшевом переплете с серебряной застежкой и уголками.

Очень интересно, какие-то каракули, а вернее, тайнопись. Интересная птица попалась. И, похоже, пока не осознает своего положения. Специально оборудованной пыточной у меня на флагмане нет, профессионального палача тоже, зато подручных средств и энтузиастов хватает. Вот тот же Суконщик.

— Маттеус...

— Сир!!! — почуяв неладное, завопил Алоизий. — Это не мои вещи, я забрал их у хозяина, чтобы доставить их его жене, ежели Господь соизволит оставить меня в жи...

Но не договорил, Суконщик легонько двинул его в солнечное сплетение, рывком поставил на колени и услужливо поинтересовался:

— Глаз, нос, ухо, ваше сиятельство?

— Пожалуй... — Я изобразил раздумье.

— Сир!.. — захрипел Будль. — Я все скажу, это величайшее недоразумение...

— Пока отставить. Слушаю вас.

— Я Алоизий...

— Келлер...

— Правда-правда! — отчаянно заорал немец. — Я Алоизий Будль, член совета Союза свободных городов от Бремена! Клянусь, это недоразумение, мы не знали, что вы, ваше сиятельство, будете находиться при грузовых судах.

— Отпусти его...

Суконщик одним движением вздернул Будля на ноги.

— Сир, — часто заикаясь продолжил ганзеец. — Это недоразумение, мы хотели лишь наказать русов...

— Продолжайте...

Скажу сразу, беседа получилась очень содержательной.

Ганза уже прекрасно знала, кто выступает вдохновителем неуступчивости великого князя Ивана. И прекрасно понимали, что с таким сильным врагом, как Наварра, им справиться будет очень непросто. Но потеря русского рынка весьма сильно ударила по Ганзе, и так переживающей нелегкие времена, поэтому они все-таки решились на крайние меры. Правда, рассчитывали обтяпать дельце втихую, не подставляясь, для чего и выделили немалые силы. И могло получиться, если бы не я со своим галеоном. Но о том, что я буду при грузовых судах, действительно не знали, так как «Александра» вышла из Биаррица значительно позже, чем остальные корабли, и догнала караван только через двое суток. А по пути мы нигде не светились.

В общем, беседа получилась очень содержательной, Будль оказался настоящим кладезем информации и выдал очень многое о планах Союза городов Ганзы. И будет еще выдавать, так как дальнейшее наше общение я оставил на потом. А пока мы наконец добрались к своим.

У Торвальда, капитана «Святого Иоанна», все сложилось не столь гладко, как у меня. Ему не удалось захватить ни одного судна — их все пришлось потопить, дабы не ввязываться в кровавый абордаж: дойчи отбивались до последнего. Хотя немцев оказалось меньшинство — остальные с бору по сосенке. У Ганзы своих единых вооруженных сил нет, пользуются наемниками.

Мало того, «Святой Петр» сам пострадал, ему проломило палубу ядром, при этом погибли три моряка. Еще двоих убило при взрыве нашей же кулеврины. Черт его знает, либо отлили уже с дефектом, либо в процессе использования металл устал, или еще что-нибудь. Причин здесь может быть много. Придется выявлять и устранять.

Рагнар справился лучше, взял в плен когг вместе с полутора сотнями солдат, но пока возился с ними, остальным посудинам удалось уйти.

Ну что тут скажешь, людей жалко, но по соотношению потерь виктория получилась грандиознейшая. Два корабля, около четырехсот пленных, куча других трофеев, в том числе отличного оружия — просто замечательный результат.

Основной караван ушел далеко вперед и, скорее всего, уже добрался до Холмогор. Но дело шло к ночи, поэтому я приказал стать на якорную стоянку. Еще не хватало напориться на мель в темноте...

Пленных заперли в трюмах трофейных посудин под стражу, экипажам я приказал выделить тройную винную порцию, а офицерский состав пригласил к себе на «Александр» отужинать. Так сказать, отметить достойную победу. Благо на новом судне в мою каюту они вмещались все.

Выпили, конечно, порадовались победе, помянули павших, но я не злоупотреблял, горячительное в глотку не лезло. Каждая минута вынужденного простоя казалась вечностью. Затосковал, черт побери: почитай, год своих баб не видел. Даже не знаю, кого они мне родили — голубиной почтой пришло всего одно письмо, да и то — Сашка отписалась, что благополучно разрешилась, Забава — тоже, а вот кем — умолчала, зараза. Ну не дай боже, опять девок принесли, отлуплю, ей-ей! Хотя кого я обманываю... Пусть будут девки. Когда-нибудь Господь и пацаном наградит.

А вообще, хрень все это. На два дома жить — ни к одному не успеть. Взвалил себе на плечи неподъемную ношу. А значит, придется что-то решать. Либо сюда, либо туда. Вот только выбирать — та еще задача...

Проснулся с рассветом и сразу погнал корабли в Холмогоры.

ГЛАВА 3

На верху срубленной из толстенных бревен башни, стоявшей на высоком скалистом утесе по правому берегу Двины, вспыхнул яркий огонь, и сразу же в безветренное небо потянулся столб густого черного дыма.

«Бдят служивые, — довольно подумал я. — Не пропустили возвращение хозяина. Ну а как иначе — задницы, чай, не чужие, приказал бы выдрать образцово-показательно...»

Потом перевел взгляд на густо поросший лесом берег реки и неожиданно вспомнил, какими чужими показались мне эти места в первый раз. А сейчас, совсем наоборот, как домой возвращаюсь...

На душе радостно защемило. А не принять ли ради такого дела? Или не стоит с самого утра бухать?

Как всегда, очень тонко прочувствовав момент, рядом появился Себастьян с большим подносом в руках, на котором стояли пузатый четырехугольный штоф зеленого стекла, серебряные стопки и тарелки с заедками.

— Телепат ты, что ли? — невольно вырвалось у меня.

— Ваше сиятельство? — На гладкой мордашке повара появилось деликатное недоумение.

— Забудь, змей-искуситель. — Я рассмеялся и махнул рукой русским купцам, с самого рассвета не отрывавшим глаз от берега. — Эй, братия, давай ко мне, пропустим по маленькой.

Сам разлил арманьяк по стопкам и вручил каждому русичу в руки.

— Ну, как говорится, с прибытием... — Смакуя, вылил в себя густую янтарную жидкость, не глядя нащупал на тарелке ломоть сыровяленой вепрятины, зажевал и только тогда выдохнул. — Уф... хорошо пошла. Ну, чего замерли?

Не чинясь, купцы махом высадили подношение, довольно закрякали и принялись активно крестить бороды.

— Небось соскучились по дому?

— Истинно глаголешь, княже... — сипло выдохнул старший из них, Пров Петрович Дерюга. — Но не по дому, а по землице родной.

— А дома у нас, почитай, и нет, княже, — пояснил Семен Дубов, чернявый юркий коротышка.

— Сегодня там, завтра здесь, — подтвердил Иван Колода, жизнерадостный пузан великанского роста с раскосыми татарскими глазами.

— Я на своем подворье, почитай, от силы пару месяцев в год бываю... — поддакнул Тимофей Чалый, внешне больше похожий на германца, чем на русского. — Чада волком смотрят, родного отца не узнают, а я даже жену щупаю каждый раз как чужую девку, успеваю отвыкнуть...

Купцы весело заржали.

— Так даже слаще получается. — Я тоже хохотнул и отправился к себе в каюту переодеваться. Надо выглядеть во всем великолепии, дабы усладить взор народишка.

Заслышав в каюте тихие голоса, остановился перед дверью и прислушался.

— А здесь дамы есть, Ивен? — с неприкрытым интересом выпытывал Томас.

— Куда без них... — прыснул Ванятка. — Кого, по-твоему, мужи дерут? Медведей, что ли? А они потом деток рожают?

Он за это время так наострился говорить по-французски, что болтал на нем лучше, чем Томас и Антуан. Для них все-таки родной — басконский диалект, на котором разговаривают в Гаскони.

— Тупица! — прокомментировал Антуан. — Дамы везде есть и будут.

— Я сейчас вздую вас обоих! — рассвирепел Томас. — Я не о том. Красивы ли они, податливы на куртуазное обхождение и все такое...

— В борделях все податливые! — умудренно хохотнул Антуан.

За моей спиной дружно заржали Александр и Шарль.

Я тоже невольно улыбнулся. Кто о ком, а пацаны о девах. Хотя вполне уже пора. Вот только с борделями на Руси туговато. Но некритично. Как таковых публичных домов нет, но при каждом постоялом дворе контингент дам с пониженной социальной ответственностью вполне присутствует. Опять же, особо жесткой целомудренности в сред-

них и высших слоях общества тоже не наблюдается. Понятное дело, за замужними и девицами глаз да глаз, но вдовы себя чувствуют вполне вольготно. Точно так же, как и в Европе. Вон Луиджи тихим делом сразу двоих в Москве окучивал — боярыню и вдовую состоятельную купчиху. Не стеснясь, обе рыдали, когда мы отбывали. Так что если есть желание, приключений на задницу хватит и на Руси. Но да, заболталась пацанва.

Я рывком распахнул дверь и грозно рявкнул:

— Сейчас вам сам бордель устрою! Прямо здесь. Распустились бездельники. Живо одеваться. На русский манер...

— Сир! — Мальчики дружно поклонились и вихрем понесли по каюте. С пулеметной скоростью захлопали дверцы шкафов и сундуков.

Вот так-то лучше будет...

Пока одевался, почему-то стал вспоминать, что происходило в мой прошлый приезд в Московию.

Как всегда, без приключений не обошлось, они ко мне притягиваются, словно магнитом. Прибыли на удивление благополучно, но сразу же встряли в рубку с заезжими мурманами, удумавшими пощипать русов. Побили, конечно, а вот с их предводительницей очень глупо получилось. Сначала я как пацан запал на нее, потом согласился на поединок, а закончилось все совсем по-идиотски. Хотел казнить образцово-показательно дурочку, но потом передумал, остыл, выпорол как сидорову козу да выгнал. Тьфу ты, даже вспоминать не хочется...

В самой Москве тоже спокойствием не пахло. Сначала ганзейские отравить пытались, потом умудрился во время ужина с великим князем Иваном попасть в самый жар дворцового переворота и едва жив остался. Свою миссию я все-таки выполнил, и даже перевыполнил, заключил союз между Наваррой и Русью, попутно отодвинув от дел Ганзу, но закончилось все вообще феерично. Выдал Федьку замуж за сына и соправителя великого князя, Ивана Молодого, оставшегося после разборок в великокняжеской се-

мье холостым, вдобавок сам... того, женился на Сашке, дочке будущего царя всея Руси, довеском получив Двинскую землю в приданое и став русским князем. Вот так-то, сам до сих пор затылок чешу, когда вспоминаю.

Молодая жена оперативно забеременела, почти одновременно с Забавой, моей... как бы это сказать... второй женщиной. А я отбыл назад в Европу, выполнять обещанное Ивану и заниматься своими делами, ибо страна Арманьяк тоже внимания требует, опять же европейский политик надо шевелить с Франциском, королем Наваррским, вторым попаданцем, с которым свела меня судьба.

Когда пришло время возвращаться, с собой в Европу забрал высокое посольство от Ивана Третьего к Фебусу. Феб послов обласкал и во всеуслышание назвал правителя Руси своим братом, что стало первым шагом признания Европой Ивана царем. А к мнению Наварры сейчас государи прислушиваются. Другого выхода у них просто нет. Момент общего признания фактически решен, но требует времени и еще некоторых действий, в том числе в Ватикане. В общем, тесть рад будет, ибо спит и видит себя венценосцем.

Остальное так же идет своим чередом. Наша с Фебом компания забрала у Ганзы практически весь русский рынок, торгуем без перерыва всю навигацию. Как уже говорил, русские купцы стажировку в Европе прошли, думаю, скоро откроем фактории в Биаррице и Антверпене.

В общем, дела галопом скачут, главное — на полном ходу из седла не вылететь. Но это только начало, все главное впереди.

Ага, пока думал, вот и нарядился. Глянул в зеркало и остался доволен.

Льняная рубаша с вышивкой по рукавам и вороту, свободные порты из тонкого синего сукна, сапоги из зеленого сафьяна на низком каблучке и со слегка загнутыми острыми носками. Далее становой кафтан, то есть приталенный, по телу сшитый, длиной до колена, распашной, с воротником-стойкой и с короткими рукавами. Этот из дамаста, то-

же синего, но более глубокого, темного цвета. Украшен витыми серебряными шнурами и вышивкой.

А поверх всего — ферязь из лазоревой парчи, длинная, до середины икры, с разрезными рукавами, отделана со- большими брюшками.

Одежда стянута атласным кушаком, за которым при- строен длинный кривой кинжал и пернач, а на специаль- ном поясе — комплектная им сабля. Оружие богато укра- шено камнями и серебряной насечкой, но боевое, непа- радное, другого не ношу. Специально заказал в Европе по своим чертежам у оружейников.

На буйной головушке лихо заломлен колпак с отворо- тами, тоже с собольей опушкой.

И посох, посох забыл. У меня он резной, пластинами золота выложен, набалдашник из слоновой кости. Хрень, конечно, только руки занимает, но в Московии боярин без посоха — почитай, не боярин, а посмешище. Вот и я обза- велся. Но, может, когда и пригодится, тем более в нем кли- нок спрятан. И просто по башке ошарашить можно, мало не покажется.

Словом, ничего иноземного во мне не осталось. И пра- вильно, не какой-то заезжий фрязин домой возвращается, а кормилец, милостивец и отец родной, князь Иван Ива- нович Двинский. Вот так-то.

— Великолепно выглядите, сир, — с поклоном проком- ментировали Шарль и Алекс. — Но... мода здесь непри- вычная.

— Зато удобная, — ответил им Луиджи, успевший при- мерить и оценить русские наряды в прошлую поездку. — Шоссы подвязывать не надо, а kaftan... — ну, вот этот длинный дублет — не зашнуровывается, а застегивается на петли. С дамами очень удобно: раз — и готово...

Гасконцы уважительно покивали головами. Судя по всему, этот момент им особенно пришелся по душе. Еще бы, европейское шмотье этого времени пока скинешь, ни- какой любви не захочется. На одних только шоссах сплош- ные шнуры с завязками, да еще гульфик привязной. А тут

не в пример быстрее: пояс распустил, да и все. Хотя нет, поясов и поясков побольше. По русскому обычаю каждая одежда подпоясана. рубаха, кафтан и фезы, вообще все. Без одного — почему-то грешно. Вот так-то.

— Справлю вам тоже такие наряды, — пообещался я, прохаживаясь перед зеркалом. — А пока наряжайтесь в свое, в парадном варианте. И патлы расчешите. Да морды умыть не забудьте. Живо, живо. Я на палубе.

Подошел к борту и опять задумался. На самой Руси тоже хороший задел имеется. Правда, пока не знаю, пошло ли дальше задела или нет. Но чего гадать, приеду, дерну на ковер ответственных — сразу станет ясно. Так, а это что? Раньше не было...

На левом берегу Двины появился причал, возле которого стояли две неуклюжие плоскодонные ладьи, одна из них была уже загруженная, потому что осела в воду чуть ли не борта, а вторую как раз грузили — по сходням споро бегали люди с тачками.

Увидев нас, остановились, замахали руками, но тут же опять принялись за работу. Видимо, бригадир и кто там еще при них обретаются, призвал к порядку.

— И что добывают? — немедленно озадачился я. — Камень, глину, руду? — Но тут же удовлетворенно хмыкнул: — Главное, работа идет...

Итак, о чем я? Черт... когда мы уже доберемся...

— Якоб, какого хрена тащимся, как коровы в запуске? Прибавить хода!

Но команда оказалась лишней, потому что по правому борту уже завиднелись Холмогоры. Надо сказать, сильно изменившиеся с того времени, как я отправился назад в Европу.

Для начала в месте соединения протоков в основное русло, по обоим берегам появились высокие сторожевые башни. Сложены из дикого камня, выглядят мощно и солидно, а на артиллерийских площадках сверху...

— Трубу! — В нетерпении я вырвал ее из рук Ванятки, приложился и радостно выругался: — Етить наперекосяк!

ГЛОССАРИЙ

апроши — зигзагообразные осадные траншеи, применялись для защищенного от обстрела подхода к городским стенам

аркбаллиста — средневековая двухплечевая деформационная тензионная метательная машина, представляющая собой большой станковый арбалет на колесном лафете

аркебуза — гладкоствольное дульнозарядное фитильное ружье. Изобретено в 1379 г. в Германии. В XV в. аркебуза трансформировалась в ручное огнестрельное оружие. Калибр около 20 мм. Приклад изогнутый, при стрельбе брали под мышку

барбакан — фортификационное сооружение, предназначенное для дополнительной защиты входа в крепость

бармица — элемент шлема в виде кольчужной сетки (иногда вместо кольчуги использовался ламелляр или кольчато-пластинчатое полотно), обрамляющей шлем по нижнему краю. Закрывала шею, плечи, затылок и боковые стороны головы; в некоторых случаях — грудь и нижнюю часть лица

бармы — широкое оплечье или широкий воротник с нашитыми на него изображениями религиозного характера и драгоценными камнями, надеваемый поверх парадного платья; часть парадной княжеской одежды, а к концу XV в. — великокняжеской, потом царская регалия. Древнерусский аналог византийского лора — детали парадного императорского облачения

бастард (оружие) — «полоторный меч», «длинный меч». Из некоторых источников следует, что названием своим он обязан тем, что крепился не к поясу владельца, а к седлу лошади

бригантина (бриганта) — доспех XIII—XVII вв. из стальных пластин на кожаной или тканевой основе с перекрыванием пластинами краев друг друга. Бригантина с латной защитой конечностей составляла латно-бригантинный доспех. Также существовал кольчужно-бригантинный, шинно-бригантинный и полный бригантинный доспех

бугивер — элемент шлема для защиты подбородка

бушприт, **бугшприт** (*нидерл. boegspriet*) — горизонтальное либо наклонное рангоутное древо, выступающее вперед с носа парусного судна

вагенбург (*нем. Wagenburg*) — передвижное полевое укрепление из повозок в XV—XVIII вв. Русский аналог названия — гуляй-город

винград — у гладкоствольной пушки: прилив на казенной части в виде шара

галеон (*исп. galeon*, также **галион**, от *фр. galion*) — большое многопалубное парусное судно XVI—XVIII вв. с достаточно сильным артиллерийским вооружением, использовавшееся как военное и торговое

гамбизон — набитый уплотняющим материалом и простеганный поддоспешник

герса — опускаемая решетка в крепостных воротах. Подъем и спуск герсы производятся канатной системой с помощью противовесов

гиппокрас — горячее вино со специями

горжет — стальной воротник для защиты шеи и горла. Горжет был частью старинных доспехов и предназначался для защиты от мечей и других видов холодного оружия

городской посад — постройки сразу за городскими стенами. Обычно там располагались рынки и поселения ремесленников

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНА АРМАНЬЯК. КНЯЗЬ ДВИНСКИЙ. Фантастический роман	5
<i>Глоссарий</i>	272